

лиогграфия основных его филологических трудов.

М. Г. Булахов проделал огромную работу по изучению и осмыслению наследия Карского. Он сумел в четкой и сжатой форме изложить основные принципы и положения ученого, показать неуывающую силу и актуальность его трудов, столь богатых тщательно отобранном достоверном фактографическом материалом, принципиальную позицию ученого, и, что особенно хочется подчеркнуть, дать оценку творчества Е. Ф. Карского с позиций современной науки. М. Г. Булахов нашел формы и стиль из-

ложения, благодаря которым даже сложные и специальные вопросы становятся понятны любому заинтересованному читателю.

Книга написана с большим уважением к титаническому труду ученого, с гордостью за славного сына белорусского народа. Хочется от души поблагодарить ее автора — М. Г. Булахова, — который так много уже сделал и продолжает успешно трудиться в области истории науки.

Морозова С. Е.

Eckert R. Untersuchungen zur historischen Phraseologie und Lexikologie des Slawischen und Baltischen, (Systemfragmente aus der Terminologie der Waldimkerei). — Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1981. 159 S. (Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 81).

Можно с полной уверенностью сказать, что эта сравнительно небольшая монография вызовет живой интерес со стороны всех славистов, балтистов и индоевропеистов, работающих в области исторической лексикологии. Для этого достаточно оснований. Прежде всего, очень притягателен объект исследования — бортническая терминология, т. е. древнейший лексический пласт, связанный с одной из самых ранних отраслей хозяйственной деятельности. Априори очевидна вероятность обнаружения здесь архаизмов различных уровней, и автор базирует свою работу на их анализе. Он ведет параллельно на славянском и балтийском материале, и это еще один важный аспект исследования — привлечение архаичной бортнической терминологии к освещению балто-славянской проблематики. Далее, в центре внимания находятся фразеологизмы, так что предметом анализа являются собственно соотносительные архаичные минимальные тексты в славянских и балтийских языках, и на этом материале освещаются теоретические вопросы балто-славянской фразеологии. Наконец, интерес к работе возрастает в связи с тем, что ее автор хорошо известен глубокими и разносторонними исследованиями по истории славянских и балтийских языков, и настоящая монография представляет собою их закономерное продолжение и развитие.

Непосредственным объектом изучения являются две группы балто-славянских соответствий в бортнической терминологии: 1) термины, содержащие глагол со значением «лезть»: слав. **laziti*, литов. *kópti*, лтш. *kápti* в качестве структурного компонента (т. е. фразеологизмы типа слав. **laziti medь* «вынимать мед», литов. *kópti medь* «кто же») или образованные от этого глагола (типа слав. **lazьba* «выемка меда», лтш. *karšana* «то же»); 2) термины, содержащие глагол гнезда и. -е. **dъē-* (лтш. *dēi*, слав. **dēti*) или его производные в качестве струк-

турного компонента (фразеологизмы типа польск. *dziać barć* «устанавливать борть», лтш. *dēt dori* «то же») или являющиеся производными от основы этого глагола (типа слав. **děly* «борть», лтш. *dėjēys* «кто выдабливает борть, улей»). Ограничение объекта исследования этими двумя группами восполняется чрезвычайной тщательностью, с которой собран и проанализирован соответствующий материал. Р. Эккерт использовал диалектные, исторические, этнографические, фольклорные источники, так что работа демонстрирует почти исчерпывающий материал, дополнения к которому могут быть лишь единичными и не принципиальными (например, нелишним было бы в работе польск. *rozdiawać bory bartne* «увеличивать количество бортей на лесной делянке» [1], которое является производным от типа «aushölen» + «Baum», предположенного польским *dziać drzewo*, см. с. 119, но могло бы быть использовано как пример особой, хотя и поздней, конструкции). Полнота материала явилась надежным основанием для включения в рассматриваемые этимологические гнезда некоторых лексем, ранее от них отделявшихся (например, польск. *leżać*, русск. диал. *лежся*, белорусск. диал. *лежся*, *лежая* «приспособление для подъема бортника на дерево», истолкованные как производные от **lēzti*, **laziti*, см. с. 48—49 работы), а также для подтверждения уже известных этимологических гипотез (например, о принадлежности к гнезду **laziti* русск. *лазбень* «кадушка», с. 44—45; о вхождении группы лужицких лексем с корнем **dēd-*, типа н.-луж. *dźēdzica* «сосна с бортью», в.-луж. *dźēdźić* «вынимать мед», в гнездо праслав. **dēti*, что подтверждается обнаружением близкого соответствия с корнем **dēd-* в балтийских языках — лтш. *dēdināt* «выдабливать борть», с. 94—101). Фронтальный обзор материала позволил также уточнить значения отдельных образований (см. о русск. *улазный мед*, с. 15—16; о польск. *łaźbień*, с. 43—44). Однако

вряд ли можно согласиться с авторским толкованием русского сочетания *дѣльное бортное дерево* как избыточного выражения синонимов (с. 128): этому противоречит существование негативной конструкции *недѣльное бортное дерево* (с. 129).

Обширный материал продуманно систематизирован. Стройность исследования несколько нарушается лишь введением в качестве самостоятельных разделов в гл. II, В 16 и 7, В II 2 балтийского материала иной семантической структуры («beuten» + «Honig», «beuten» + «Bienen»), нежели тема главы («klettern» + ...), — литов. *drevėti (medų)*, лтш. *(medų, bites) dragēti* «вынимать мед» (с. 67—69): как семантическая параллель к в.-луж. *dědźić (měd, pčoly)*, эти материалы были бы более уместны в III главе (с. 124).

Тщательная выборка материала дала автору возможность сделать существенные лингвогеографические выводы, в частности — о распространении анализируемой бортнической терминологии на южнославянские языки (ср. серб.-хорв. *laziti med*, с. 141), что опровергает установившиеся представления и расширяет перспективы для изучения этой сферы славянской лексики, ликвидируя противопоставление северно- и южнославянских языков.

Анализ материала ориентирован в двух направлениях: это исследование структурных и семантических характеристик терминов (фразеологизмов и отдельных лексем) и сопоставление терминологии балтийских и славянских языков. В исследовании фразеологизмов Р. Эккерт решает несколько задач: очерчивается круг древнейших фразеологизмов с их структурными архаизмами (ср. праслав. **laziti bčely*, литов. *kópti bites* — конструкция с винительным падежом направления) и первичной семантикой, рассматриваются различные направления изменения фразеологизмов. На славянском и балтийском материале прослежены десемантизация и преобразование компонентов фразеологизмов (типа др.-русск. *лазяти пчелы*, с. 10), образование тавтологических сочетаний (литов. *bitkopauti medu* «вынимать мед, при функционировании в этом значении первоначально от одного глагола *bitkopauti*, с. 59—60), обновление архаичных структур (праслав. **laziti bčely* → русск. *лазять пчел*, с. 7—8; литов. *bites kópti* → *bitėms kópti*, с. 51—52; кстати, термин «обновление», предложенный для этого типа изменений Р. Н. Поновым, представляется более адекватным, нежели авторское Nominalisierung, с. 147, мотивация которого неясна), семантическое развитие фразеологизмов (ср. лтш. *bišu dējējinš* «пчеловод», в.-луж. *pčoly dědźić* «вынимать мед» при первичном бортническом значении **dē(d)-* «выдалбливать», с. 123—125). Интересный материал иллюстрирует свертывание фразеологизмов в сложения (обычно свертывание сопутствует образованию производных, см. ср.-русск. *медолазь*, с. 17, литов. *bitkopis, bitkopauti*, с. 58—60), эллиптическое сокращение фразеологизмов до одного слова (см. ст.-польск. *polazbić*,

polazbić «вынимать мед», с. 38—39, литов. *kopinėti* «то же», с. 61—62, 71) и образование бортнических терминов в форме одной лексемы на базе одного из элементов фразеологизма (белорусск. *лазенне* «выемка меда», с. 30), что справедливо толкуется автором как показатель связи фразеологии и лексики (с. 149).

На базе фразеологизмов в этой архаичной сфере Р. Эккерт рассматривает проблему фразеологических вариантов. Постановка проблемы вариантности для древних языковых уровней представляется закономерной и даже необходимой, поскольку наличие отношений вариантности является важным фактором развития. Интересен предложенный автором опыт выделения различных типов вариантности древних фразеологизмов: морфологической вариантности, лексической вариантности, синонимии (с. 150). Нельзя не согласиться с авторским замечанием о сложности дифференциации отдельных типов, но тем большее недоумение вызывает чрезмерный лаконизм и нечеткость характеристики структурных синонимов (с. 150; как структурный синоним здесь указано сочетание **laziti medu*, но понятие синонимии предполагает наличие хотя бы двучленного отношения, т. е. еще одного сочетания). Указывая на трудность различения отношений производности фразеологизмов и вариантности их на примере литов. *kópti medu* — *iškopti medu* — *iškopti medų iš drevės* (с. 151), автор обращается по существу к диахроническому плану (соотношение *iš-*префикса и *iš-*предлога), что несомненно с процедурой выявления отношений вариантности, которые принадлежат синхронному плану.

Анализ отдельных лексем, являющихся терминами бортничества, оказался в монографии в значительной степени производным от анализа фразеологизмов, что отражает реальные отношения производности терминов-лексем от терминологических фразеологизмов: речь идет о глаголах, обособившихся в результате эллиптического сокращения фразеологизмов, в которых эти глаголы были семантически связанными компонентами (см. выше), или о производных от этих глаголов. Соответственно семантика терминов-лексем, как правило, производна от семантики фразеологизмов (ср. слав. **laziti medъ* «вынимать мед» — **laziti* «вынимать мед», **lazьba* «выемка меда», **ulazъ* «выемка меда», «вынутый мед»). Но один случай в этом отношении обособлен: это слав. **lazivo* «приспособление для подъема на бортное дерево», производное от **laziti* в его несвязанном значении «влезать», т. е. в значении, не обусловленном фразеологизмом **laziti medъ* или другими подобными с их семантикой «вынимать мед». В работе приведен и вариант этого отглагольного имени — **lězivo* (белорусск., русск. *лезиво*, с. 47—48). Представляется, что эта вариантность заслуживает особого внимания, так как не имеет аналогий в бортнической терминологии гнезда **laz-*. Именно образование **lazivo* от **laziti* в несвязанном его значении является обязательным условием вариантности это-

го имени с **lězivo*, образованным от **lězti*, которое не входит в фразеологизмы с бортической семантикой. Это еще одна иллюстрация взаимозависимости лексики и фразеологии.

Значительное внимание уделено словообразовательной характеристике лексем, в целом очень детальной и обобщенной. Возможны лишь некоторые критические замечания. Так, мнение Несовича о том, что белорусск. *лазобка* является уменьшительным к *лазбень* (с. 44), следовало сопроводить соответствующими коррективами о словообразовательных связях слова (*лазобка* от **lazbba*). Вряд ли можно иллюстрировать связь словообразовательных моделей с тематическими группами примерами типа белорусск. *лазбень*, русск. диал. *лазбень*, польск. диал. *lazbin* (с. 152), так как лексемы подобных групп являются скорее не параллельными образованиями отдельных славянских языков, а продолжениями праславянских лексем. При этом полезно отметить, что все словообразовательные модели, представленные в рассмотренной лексике, относятся к актуальному словообразовательному фонду славянских и балтийских языков в их древнейшем состоянии. Таковыми были для праславянского языка даже образования от основы настоящего времени **ded(j)-*/**dēd(j)-*, структура которых явно архаична для более поздних уровней.

В целом осуществленное Р. Эккертом исследование двух групп фразеологизмов и лексем, относящихся к области бортической терминологии, в их изменениях и взаимосвязях представляет собою весомый вклад в изучение этой архаической сферы лексики славянских и балтийских языков.

Пожалуй, самым интересным аспектом монографии является сопоставление славянского и балтийского материала, лексического и фразеологического. Лексический материал обнаруживает значительное количество балтийских и особенно славянских бортических терминов, принадлежащих к гнезду с корнем **dē-*. Балтийские и славянские лексемы иногда тождественны лишь по корню/основе, причем это может быть архаичная по структуре редуцированная основа, ср. лтш. *dēdināi* «выдалбливать борт» — в. луж. *dēdźić* «вынимать мед» (с. 94—95). Возможно тождество по корню и по словообразующему суффиксу: ср. лтш. диал. *dējala* «дерево, которое годится для устройства улья» — русск. диал. *дель* «борт» (с. 101—102), но производящие основы в этих племенах имеют различную структуру. Цельнословное соответствие представлено лишь в одном случае, в паре причастий лтш. *dēts* «выдолбленный» (*priedīte dēta* «выдолбленная для устройства улья ель») — слав. **děť* «то же», но славянское причастие имеет бортическую семантику лишь в составе более сложных структур: это сложения ср.-русск. (*бортъ*) *новодегъ*, *стародегъ* («дерево» с новым или старым ульем, бортую) или производное ст.-польск. *dzielwa*, *dziatwa* «устройство борта или улья в дереве» (с. 104—107, хотя последнее имя может быть производным и от

**děť*, ср. др.-русск.-ц.-слав. *благодѣть* и отношения праслав. **děť* «дети» — **dētra* [2]). Далее, нельзя не отметить регулярность структуры пассивного причастия прошедшего времени и для славянских, и для балтийских языков, так что тождество этих отглагольных образований в данном случае целиком подчинено тождеству производящих глаголов: лтш. *dēt* — слав. **dēti*. В свою очередь это соответствие есть лишь рефлекс единства индоевропейского источника, и исключительно балто-славянской характеристикой этого соответствия является развитие бортического значения «вырезать, устраивать (борт)». Итак, семантическое тождество сопровождается весьма редко тождеством материальным.

Сопоставительные балтийские и славянские устойчивые словосочетания уже неоднократно использовались как перспективный материал для реконструкции древней материальной и духовной культуры (ср., например, русск. *навя косточка* — литов. жемайт. *naufōs/norės kaulas* [3], слав. **božja* + **korv-* + suff. *dimin.* — литов. *diēro karvītė* «божья-коровка» [4, с. 135—136]). Заслугой Р. Эккерта является исследование двух значительных групп фразеологизмов в одной семантической сфере — бортической терминологии и опыт обобщен на типы балто-славянских соответствий на уровне фразеологизмов (с ориентацией на исторический аспект).

При сопоставлении славянских и балтийских фразеологизмов прежде всего обнаруживается тождество их семантических моделей и тождество в развитии их значений. Известно, что сходные условия бортичества явились базой для возникновения такого тождества даже в неродственных языках: ср. «влезать на дерево» → «доставать мед» не только в славянских и балтийских, но и в финно-угорских языках [5, с. 278]. Учитывая факты этого рода, автор приходит к выводу, что семантические фразеологические соответствия (тип с у автора, например: праслав. **laziti burtē* — литов. *kopinėti drevės*) ничего не дают для суждения о родственных связях (с. 145). Представляется, что этот вывод излишне категоричен. Исследования в области балто-славянских языковых отношений показали сложную природу схождений этих языков, необходимость сочетания гипотезы более тесного родства с гипотезами контактов на различных хронологических уровнях. Семантические схождения фразеологизмов могут быть именно следствием древних контактов. Кроме того, следует считаться с возможностью замены членов древних фразеологизмов [4, с. 136], которая превращает материально-семантические соответствия в чисто семантические. Наконец, отражение действительности в языковых семантических моделях не зеркально, оно преломляется в призме семантики каждого языка, а поэтому тождество семантических моделей должно быть необходимым элементом генетической общности.

Все сказанное выше о значении семантических фразеологических соответствий не мешает согласиться с Р. Эккертом

в том, что наибольшую ценность для изучения балто-славянских отношений представляют соответствия фразеологизмов одновременно в плане содержания и в плане выражения (полные фразеологические соответствия, тип *a*, по терминологии автора, с. 143—144). Однако автор несколько преувеличивает степень точности формального соответствия в случае лтш. *d-r drauu (dori)* — польск. *dziać drzewo* «устраивать борта» (с. 144), так как лтш. *drauu, dori* и слав. **deruo* представляют собою различные производные от одного корня. Кстати, это единственный обнаруженный автором в исследованном материале случай полного фразеологического соответствия.

Третий тип соответствий фразеологизмов, выделяемый Р. Эккертом, — частичные фразеологические соответствия (тип *b* у автора, с. 144—145). Тождество семантической структуры здесь сопровождается генетическим тождеством лишь одного компонента. Отнесенный сюда автором материал представляется неоднородным: ср. польск. *dziany dąb* «дуб с бортью» — лтш. *d-r ozoliu* «выдалбливать борть в дубе» (с. 145) и праслав. **laziti medь* — литов. *kópti medь* (с. 144). В первой паре генетически тождественны глагол и отглагольное имя, которые являются семантически связанными компонентами фразеологизмов. Во второй паре генетически тождественны имена, семантически не связанные. Поскольку речь идет о соотношении фразеологизмов, принципиально важным представляется генетическое тождество семантически связанных компонентов. Это тождество сближает (хотя и не отождествляет) отношения в первой паре с типом полного фразеологического соответствия. Что же касается второго случая, то не имена определяют специфику этих сочетаний как фразеологизмов и их вхождение в фразеологизмы ничего не добавляет к их заданному родству. Главной харак-

теристикой отношений в этой паре остается тождество семантической структуры. Поэтому представляется необходимым различение этих двух типов отношений. Указанные сложности в типизации соответствий на уровне фразеологизмов не умаляют важности и не противоречат своевременности постановки такой проблемы, первое решение которой осуществлено на очень интересном и в основном тщательно проработанном материале.

Надежность материала, сочетание актуальных проблем и детальность их разработки — все эти достоинства монографии Р. Эккерта заслуживают самого пристального внимания широкого круга лингвистов и делают ее существенным вкладом в сравнительно-историческую лексикологию и фразеологию.

Варбот Ж. Ж.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kartowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 5. Warszawa, 1912.
2. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris, 1974, p. 711.
3. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 68.
4. *Топоров В. Н.* Балтийские и славянские названия божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в связи с реконструкцией одного из фрагментов основного мифа. — В кн.: Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом». 11—15 декабря 1978 г.: Предварительные материалы. М., 1978.
5. *Gauthiot R.* Des noms de l'abeille et de la ruche en indoeuropéen et en finnoougrien. — MSLP, 1910, t. 16, fasc. 4, p. 278.

Petrus Scriptorius. Polonicae grammatices institutio. — Köln — Wien: Böhlau Verlag, 1980. S. XXXIX + 216 («Slavistische Forschungen», № 26).

В серии «Slavistische Forschungen» вышло факсимильное издание первой грамматики польского языка «Polonicae grammatices institutio» Петра Статориуса-Стоенского (1568 г.). Публикацию подготовил Р. Олеш. Воспроизведен экземпляр памятника, хранящийся в библиотеке им. Чарторьских в Кракове. Текст публикуется без изменений, сделана новая нумерация страниц.

«Грамматике» предпослано обширное Введение, написанное Р. Олешем и В. Курашкевичем (с. V—XXXIX), где содержатся сведения о Статориусе, его деятельности и о содержании публикуемого труда. Авторы Введения осветили вопросы, возникавшие в связи с изучением памятника у историков польского языка (А. Брюкнер, П. Зволинский, К. Нич), и изложили свои наблюдения, в которых много нового, в частности, когда речь идет об источниках, привлеченных составителем грамматики.

Петр Статориус был родом из Франции, образование получил в Лозанне, по большую часть жизни (1549—1591 гг.) провел в Польше. Это был общественный деятель периода Реформации, ученый, знаток языков — латыни, греческого, древнееврейского, итальянского. Он преподавал языки, переводил на польский текст библии (Статориус — один из переводчиков «Брестской библии», 1563 г.). «Грамматика польского языка», написанная на латинском языке, — самый крупный труд Статориуса. В предисловии к «Грамматике» он пишет о своем стремлении показать, что польский язык не так труден и беспорядочен, как принято было думать. Стремление сделать польский язык доступным для западноевропейских ученых отвечало духу времени, эпохе Ренессанса. Перед Статориусом стояла задача впервые изложить правила польской грамматики. Задача эта, трудная сама по себе, ослож-